

элементовъ въ литературную жизнь было замѣтно, между прочимъ, по той ожесточенной враждѣ, какую новыя направленія встрѣтили въ представителяхъ старомоднаго классицизма. Это была извѣстная борьба Шишкова и его партизановъ противъ послѣдователей Карамзина. Борьба была довольно смутная. Послѣдователи Шишкова не совсѣмъ понимали, чего хотѣли, и тѣмъ легче была защита, которую связываютъ обыкновенно съ именемъ такъ-называемаго „Арзамаса“.—Вопросъ „о старомъ и новомъ слоgѣ“, поднятый Шишковымъ, обозначалъ, въ сущности, не одну только вражду къ Карамзинскимъ нововведеніямъ въ языкѣ, но и сидѣвшую въ людяхъ стараго вѣка антипатію ко всякимъ новымъ идеямъ, заходившимъ въ литературу: Карамзинъ, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія и въ первые годы нынѣшняго имѣлъ, въ глазахъ этихъ людей репутацію большого либерала. Относительно Шишкова высказывалась мысль, что онъ былъ именно защитникомъ здравыхъ русскихъ народныхъ началъ противъ иноземныхъ нововведеній; новый біографъ Батюшкова, кажется, не раздѣляетъ этого взгляда и видитъ въ нападеніяхъ Шишкова на его противниковъ только „простодушіе невѣжды и откровенность ограниченаго человѣка“¹⁾. Какъ извѣстно, въ 1812 году Шишковъ высказывался, что писатели, искавшіе образцовъ во французской литературѣ, были виновниками не только „французской заразы“, но и самаго нашествія Наполеона и пожара Москвы. Отсюда виденъ смыслъ его борьбы противъ „новаго слога“; но онъ понималъ вещи такъ смутно и защищалъ свои взгляды такъ нескладно, что въ результатѣ оставалось неизвѣстно, въ чемъ же долженъ былъ состоять русскій народный интересъ, въ виду тѣхъ заимствованій, которыя наполняли литературу. Его нападенія встрѣтили достаточный отвѣтъ отъ приверженцевъ Карамзина и новой литературы. Для многихъ и въ томъ числѣ лучшихъ представителей новаго направленія весь вопросъ сталъ только предметомъ остроумнаго шутовства: такъ казались нелѣпы и такъ дѣйствительно бывали нелѣпы обвиненія и проклятія Шишкова. Батюшковъ, по связямъ съ Муравьевымъ и по характеру своихъ произведеній скоро примкнувшій къ новому литературному кругу, во главу котораго ставился Карамзинъ (хотя, отдавши своею историческому труду, послѣдній давно покинулъ прежнія литературныя занятія), — не могъ быть иного мнѣнія о дѣятельности Шишкова и отозвался на литературный споръ только шутливыми стихотвореніями: „Видѣніе на берегахъ

¹⁾ Т. I, стр. 185, въ біографіи.